
ГРАФИО
Первокод
очищения
Даника
Громова

Даника Громова
Графио. Первокод очищения

https://litres.ru/74755213
SelfPub; 2026

Аннотация

Роман из цикла «Сектор 34» | Индустриальный сай-фай

Графио — искусственная планета-архив из пористого бетона, бронированного титана и гудящих латунных магистралей. Сотню циклов она перемалывает бумажный и цифровой хлам со всей изученной вселенной. Наверху, в стерильных пентхаусах на километровой высоте, элита пьет кофе и решает судьбы миров. Внизу, в вечной мазутной гари Нулевого яруса, задыхаются «грязные воротнички», чья жизнь дешевле списанной ведомости.

Стажер с глухой периферии Марик прибывает на эту планету не за карьерой — он ищет след бесследно пропавшего отца, имея при себе лишь потемневший латунный жетон. Отправленный по приказу испуганного Правителя в самое пекло кабельных катакомб, парень случайно срывает древний затвор в заброшенной магистрали.

Железо планеты просыпается. Из глубин раскаленного ядра поднимается безжалостная Тень прошлого, превращающая в пепел тех, кто тридцать лет строил свое величие на чужой крови.

Содержание

Пролог. Династия и ржавчина 4
Глава 1. Клеймо прошлого 7
Часть 1. Шелест на высоте 7
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Даника Громова
Графио. Первокод очищения

Пролог. Династия и ржавчина

Искусственное тело планеты Графио выковали в пустоте тридцать четвертого сектора более ста циклов назад. Её собирали не из звездной пыли и планетарных осколков, а из миллионов тонн пористого бетона, кусков метеоритов, бронированного титана и тяжелых латунных магистралей. Она была рождена ради одной бескомпромиссной цели — круглосуточно принимать, сортировать и хоронить в своих недрах бесконечные горы бумажного и цифрового хлама, списанной отчетности и пожелтевших ведомостей со всей изученной вселенной.

Эту циклопическую ловушку для документов задумал и воплотил в металле Первый Архитектор Маркус Гордон. Человек с жестким инженерным умом, он всю жизнь посвятил расчету идеальной структуры, способной сдерживать хаос чужих данных, а перед самой кончиной передал бразды правления и ключи от Ядра своему единственному сыну — Аполлонию Гордону. Тот, в свою очередь, по праву кровно-

го наследия должен был со временем уступить кресло своему собственному наследнику. Так контур власти должен был оставаться чистым и замкнутым.

Но Графио росла слишком быстро. Единственный город-архив на планете разрастался с каждым десятилетием — он стремительно тянулся вверх зазубренными шпилями-небоскребами, пробивая сочащиеся влагой тучи, и одновременно уходил вертикально вниз, вгрызаясь в тектонические разломы на тысячи километров.

Каждую луну на платформы Сектора 34 опускались всё новые грузовые челноки, конвейеры ревели без остановки, и Аполлонию в одиночку стало трудно справляться с этими чудовищными, нарастающими объемами вселенской бюрократии. Железо изнывало, кабели тосковали от перенапряжения, а система требовала жесткого контроля.

Тогда, устав от каторжного одиночества на километровой высоте, Аполлоний взял себе в помощь университетского товарища — Савелия фон Потраса.

Они крепко дружили в юности, вместе препарировали примитивные движки на периферии, и в те годы Савелий всегда показывал себя только с лучшей стороны. Он казался преданным, исполнительным и тихим клерком, готовым безропотно делить с товарищем любые архивные завалы.

Но кто же мог знать, что глубоко внутри этого человека, за его вежливой улыбкой и скромным серым сукном одежды, уже тогда сидел тихий, ничем не выдающий себя монстр.

Чудовищная жажда безраздельной власти, тщеславие и слепая, ненасытная жадность годами дремали в его груди, выжидая, пока остов старой дружбы даст трещину, чтобы однажды проснуться и выставить всей династии Гордонов свой страшный, кровавый расчет.

Глава 1. Клеймо прошлого

Часть 1. Шелест на высоте

Грузная гидравлика орбитального челнока со стравливанием давления выдохнула в посадочную зону короткую струю перегретого пара. Тяжелая титановая аппарель с лязгом и металлическим визгом опустилась на бетонный настил. Наружу, кутаясь в жесткие суконные куртки, потянулась свежая смена новобранцев. Они шли неровной, испуганной шеренгой, озираясь по сторонам, словно скот, согнанный на убой.

Вокруг до самого горизонта уходили в серое, хмурое небо зазубренные шпили архивов. Плотная пелена технологического дыма полностью съедала тусклый свет красного солнца, оставляя мир в вечных, удушливых сумерках. Поверхности стен покрывала холодная испарина, а из глубоких вентиляционных колодцев тянуло сыростью и ржавчиной. И эта стальная, промерзшая архитектура жестко диктовала здешние законы.

Последним из шлюза вышел Марик.

Он не спешил. Парень остановился на самом краю платформы, поправил врезавшуюся в плечо лямку тяжелой брезентовой сумки, в которой глухо звякнули, стукнувшись

друг о друга, две чугунные гантели, и сделал глубокий, ровный вдох. Воздух здесь был сухим, горячим и оставлял на языке горький привкус окалины. Марик был жилист, сух и крепок — та порода мужчин, чья сила кроется не в раздутых мышцах, а в узловатых, жестких сухожилиях и упрямом развороте плеч. Суконная куртка была велика, а русые волосы торчали неопрятным ежом, но главным в его облике были глаза — огромные, глубокие, цвета темного горячего янтаря.

В отличие от остальных стажеров, в нем не было робкого трепета перед величием этого места. Парень коснулся подошвой тяжелого сапога стыка гранитных плит, затаив дыхание. Его тело поймало под подошвой глухую, вибрирующую судорогу плит. Железо планеты изнывало и тосковало глубоко в недрах под непосильным весом вековой бумаги. Наверху, на километровой высоте, решали судьбы корпораций. А глубоко под ними, в вечной мазутной гари, задыхались миллионы «грязных воротничков» — сисадминов и утилизаторов, чьи уровни было запрещено покидать под страхом списания.

— Шеренга, за мной! Живее, не задерживайте платформу! — раздался резкий, сухой голос куратора распределения — строгой женщины в глухом сером платье.

Она повела новобранцев по застекленному переходу прямо в центральный зал. Марик шел последним, продолжая упрямо слушать ногами гул плит. Его истинный мотив прилета на Графио был скрыт от официальных бумаг. Парень

вырос на глухой окраине сектора и знал об отце лишь то, что тот много лет назад улетел на эту планету-архив и больше не возвращался. В его брезентовой сумке, помимо гантелей, лежал лишь старый, потемневший от времени латунный жетон с оборванным креплением — единственная вещь, оставшаяся от отца. Марик прилетел не за карьерой. Он искал след.

В полумраке роскошного зала, заложив руки за спину, у панорамного окна стоял сам Главный Архивариус Савелий — единовластный правитель планеты, старик с лицом, похожим на иссохший пергамент. Рядом с ним замер старший управляющий Ивар, тучный мужчина с вечно потными ладонями, нервно постукивая тяжелым золотым хронометром по руке.

— Савелий, датчики в ядре снова скачут, — негромко пробасил управляющий, оглядываясь на темное стекло, за которым уходили в тучи шпили. — В третью стражу температура прыгнула. Железо сдавать начинает.

— Замолчи, Ивар, — сухо оборвал его Савелий, не оборачиваясь. — Я знаю, как дышит железо. Лучше проверь восьмидесятый этаж. У аудиторов осыпаются строки, отчетность ползет.

Их разговор прервался шагами стажеров. Главный Архивариус медленно повернулся, поправляя тяжелые очки в роговой оправе, и его взгляд равнодушно скользнул по шеренге новобранцев. Куратор распределения начала монотонно зачитывать ведомость.

— Господин Архивариус, пятьдесят вторая группа прибыла. Распределяю по штатной сетке: десятерых — на переборку архивов текстильного сектора сотого уровня, пятерых — к секретарям на девяностый.

Она дошла до конца шеренги и указала пальцем на парня с брезентовой сумкой:

— А этого куда? По документам числится как специалист широкого профиля с периферии. Его в архивное ведомство?

Савелий сделал шаг вперед, вглядываясь в лицо последнего стажера. На его гранитном лице мгновенно окаменела каждая морщина. Пальцы, сжимавшие сукно мантии, побелели до синевы. Челюсть старика свело так жестко, что он не смог сразу разомкнуть зубы. Управляющий Ивар заметил, как Правитель мертвенно, панически побледнел.

Савелий смотрел на Марика. Перед ним стоял юноша, чьи черты лица, жесткий разворот плеч и, главное, эти глубокие, горящие янтарем глаза до пугающего сходства напоминали кого-то из самого темного, тщательно запертого прошлого Графио. Этот парень был слишком чужероден для стерильного зала.

Парень спокойно выдержал этот тяжелый, леденящий взгляд старика, не опуская головы. В тишине кабинета чугунные гантели в его сумке глухо звякнули, словно отозвавшись на тектонический ритм планеты.

Савелий судорожно сглотнул, силой воли возвращая себе маску контроля, хотя его голос выдал сухой, надрывный

скрежет:

— Этого… этого отправляйте на самый нижний ярус. В кабельные катакомбы серверной. К системным администраторам. Пусть парень поможет им чистить старые завалы в подвальных колодцах ядра. Там сейчас… каждая пара рук на счету.

Управляющий Ивар нахмурился, сделав шаг вперед и понизив голос:

— Савелий, ты в своем уме? Отправить парня с такими физическими показателями в двенадцатисоткилометровый ад, на утилизацию фильтров? Он же там задохнется от гари и мазута за неделю. Посмотри на его плечи, он нам в охране нужен или на верхних этажах.

— Решение принято! — резко, со стальным нажимом оборвал его Савелий, и его пергаментные щеки мелко затряслись. — Выдайте ему направление. Пусть идет вниз. Немедленно.

Куратор испуганно кивнула и протянула Марику синий бланк. Марик молча забрал документ, скользнул взглядом по полированному обсидиану стола Правителя и развернулся к лифтовым шахтам. Он еще не знал, какие тайны скрывает этот старик и почему его так испугал обычный стажер с окраины, но латунный жетон в его сумке будто стал горячее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.